ОБЩЕСТВО. КАВКАЗ

"Не хотела оставлять оркам ещё одно поколение детей". Активистка из Карачаево-Черкесии — о преследовании в России

Наталия Кильдиярова

23 ноября 2026

Бэлла Шахмирза. Фотография 2021 года

Бэллу Шахмирзу, основательницу детского лагеря "Балапанлар" в Карачаево-Черкесии, заочно приговорили к пяти с половиной годам колонии по делу о "фейках" о российской армии. Поводом стали публикации в инстаграме. Следствие допросило двух свидетелей – те дали одинаковые показания: что их возмутил пост со словами "Так почему те, кто бомбит ГЭС и оставляет людей без света, герои?"

Кавказ.Реалии поговорили с Шахмирзой о том, как создавался "Балапанлар", почему проект оказался под давлением властей, как она уехала из России, а также о её двоюродном брате – бывшем вожатом, погибшем на войне против Украины.

— Что вы думаете об этом решении суда? Вы планируете его обжаловать?

— Я живу во всём этом уже почти два с половиной года, поэтому есть решение – и слава богу. Для меня ничего не меняется. О приговоре мне написала подруга.

О самом деле я узнала ещё в сентябре 2024 года, когда заказала справку о несудимости: там высветилось, что возбуждено уголовное дело. За ним мы особо не следили, этим занимался адвокат от [правозащитного проекта] "ОВД-Инфо", он пару раз ездил на заседания. В деле очень много процессуальных нарушений, а вся история со свидетелями довольно забавная.

Я всегда относилась к этому спокойно: я в безопасном месте, я заранее подстелила себе соломку. В 2024 году я уехала из России после обыска, и сейчас на мою жизнь приговор по факту не влияет. Список стран, куда мне опасно ездить, потому что они выдают людей России, у меня был и до этого. В Россию я и так не могла ездить и не буду. Зато есть миллион других стран.

Мне очень жалко, что я не могу делать свой проект. Я очень по нему скучаю и хотела бы его продолжать. Но если нет, значит, нет. Зачем мучить себя тем, что пришлось прекратить, когда я жива, здорова, у меня прекрасная семья, я на свободе и в безопасности. Это самое главное.

— Вы работали журналисткой, занимались общественными и правозащитными проектами. Как складывался ваш путь к активизму?

— Я не могу сказать, что была настоящей журналисткой. Я училась на журфаке, писала статьи, сотрудничала с разными изданиями, с итальянским каналом, но это был скорее фриланс. Общественной работой я занималась лет с 17-18. Много лет была волонтёром в центре "Дети Марии", преподавала итальянский детям из интернатов. До сих пор на связи со своими учениками и очень радуюсь, когда у них что-то складывается.

> **“ Ненавижу эту колониальную тему, когда люди приезжают на Кавказ и думают, что сейчас всех просветят**

Что касается активизма: когда ты человек с Кавказа и приезжаешь в Москву, к тебе относятся хуже, чем к другим, просто из-за того, откуда ты родом. Это очень неприятно, и ты не понимаешь, почему так. Я не знаю, как человек с Кавказа, переехав в большой город, может не заняться активизмом. У кого-то это уходит в землячество, у кого-то – в религию. У меня это ушло в желание показать: ребята, давайте я вам покажу, как бывает.

Около пяти лет мы с подругой делали в Москве и Петербурге проект "Лекторий лицом к лицу" о народах России – не только Кавказа. Это был маленький камерный проект. Люди узнавали про культуру и язык разных этносов, знакомились с их представителями, пробовали еду, смотрели костюмы, украшения, предметы искусства. Через живой контакт они избавлялись от шовинизма и ксенофобии. Я считаю, это был очень правильный проект, и такое нужно делать во многих местах.

Для меня это было важно, потому что я сама часть этого меньшинства. Я никогда не стремилась стать большинством. Я видела несправедливость по отношению к регионам России, к этническим сообществам и хотела это как-то исправить.

Потом, в 2014 году, случился Крым. Мне было физически плохо от милитаризации, нашистов, лозунгов "Мы сильные, мы всех победим". Это не патриотизм.

В июне 2014 года я защитила диплом на журфаке МГУ и сказала себе, что больше никогда не буду учиться. А когда пришла за дипломом, увидела объявление о наборе в Миланский университет и сделала всё, чтобы меня взяли. 9 сентября 2014 года я уехала. Я уезжала не за образованием – мне было важно уехать: в России мне было слишком токсично, я не могла и не хотела в этом оставаться. Семья была против, денег не было совсем, и переезд стал для меня серьезным потрясением, пусть и в хорошую сторону.

Проект "Лекторий лицом к лицу" закончился примерно через год после моего отъезда. Его продолжала моя коллега, потом она тоже уехала, и мы его закрыли.

— В 2017 году вы создали летнюю школу "Балапанлар" в родном ауле в Ногайском районе. Как возникла эта идея?

— Карачаево-Черкесия по всем статистикам – регион с большим количеством проблем: один из самых бедных, неустроенных и коррумпированных. Других новостей оттуда, кроме свадеб, коррупции или чего-то плохого, просто нет. Детям в ауле не хватало всего. Им нечем было заняться: ни кружков, ни развивающих центров – ничего.

СМОТРИ ТАКЖЕ
"Разбираться желания нет". Экономическая стагнация на Северном Кавказе

Я хороший проектный менеджер и хорошо подготовилась. Были профессионалы, которые отвечали за содержание занятий. Были люди на месте, которые выстраивали отношения с властями. Я отвечала за коммуникацию и подбор команды. Очень помогали родители. И всё это вместе сработало. Было много нюансов, но так бывает в любом проекте, особенно когда делаешь его в первый раз.

Я подбирала людей, которые могут работать в полевых условиях, готовы к неизвестности и имеют большой опыт работы с детьми. И очень важно было, чтобы они не считали, что приехали учить "местных туземных детей" и нести им свет знаний. Я ненавижу эту колониальную тему, когда люди приезжают на Кавказ и думают, что сейчас всех просветят. Команда подобралась очень хорошая и очень разная, все подружились. Прошло девять с половиной лет с первого [сезона] "Балапанлар", а эти люди до сих пор общаются и делают вместе другие проекты.

“ У нас заполненные от руки анкеты на 250 детей. А нам говорят: этого проекта не было

Мы набрали местных волонтёров, поговорили с родителями. Я всех предупреждала: в первый день детей будет немного, но потом слух разойдется, как круги на воде. Так и получилось. Потом мы уже физически не могли взять всех желающих – ресурсы были ограничены.

Подключилось очень много людей. Мой троюродный брат, который работал в частной школе в Москве, прислал детям хорошие наборы принадлежностей. Мы сделали футболки и кружки, хотя денег у нас не было. Занятия были интерактивными, и родители это оценили. Власти обычно не понимают мотивацию таких проектов, зато её понимают люди. Для меня было важнее, чтобы нас понимали дети и родители.

В первый год я подчёркивала, что школа для детей из сложных семей. Потом мне стало за это стыдно, и мы начали говорить просто об аульских детях. Показывать бедных детей выгодно – на это всегда дают больше денег, в некоммерческом секторе все это знают. Но я хотела показать не условия, в которых живут дети, а их потенциал и то, кем они могут стать. Мы не торговали их личными историями.

"Балапанлар" – большая часть моей жизни, я считаю этот проект своим первым ребёнком. Несмотря на все сложности и очень серьёзные проблемы, это было счастье, которое можно потрогать. Каждую секунду там я была счастлива по-настоящему – благодаря людям, детям и смыслу, который в этом был. Но, как вы понимаете, такие вещи нравятся не всем.

— В 2019 году вы рассказывали Кавказ.Реалиям, что прокуратура проверяла, как были потрачены 2,4 миллиона рублей министерства по делам национальностей. Что на самом деле произошло с этими деньгами?

— Всё началось в 2018 году. Власти нас поддержали, выделили деньги – и из-за этих денег начались проблемы. Я изначально не хотела их брать, но меня уговаривали: зачем отказываться, министерство всё сделает. Лучше бы этих денег не было. Из-за истории моей семьи я никогда не хотела иметь дело с государством: опыт многих поколений показывает, что от него лучше держаться подальше, особенно в России.

Отчётность у нас была идеальной, копейка в копейку. Её вела моя мама, профессиональный бухгалтер, и сделана она была по московским стандартам. Мы не знали, что нас хотят вынудить дать откат. Напрямую мне этого никто не говорил, но в какой-то момент это стало понятно. Потом оказалось, что в министерстве шёл конфликт: под одного министра копал другой человек. Мы оказались разменной монетой в чужом конфликте.

За месяц у нас было 250 детей, две смены по две недели. Больше 40 человек за это время жили у меня дома, на площадке каждый день работала команда из 40-50 человек. Мы оплачивали обеды, подарки, дорогу и еду преподавателям – и по всему отчитались. При этом то же министерство проводило, например, студенческий слёт в Домбае на 30 человек на два-три дня с бюджетом полтора миллиона. К ним вопросов не было, потому что там были "свои люди". А к нам прикопались, потому что мы никто, у нас нет "крыши".

Потом начались запугивания. Около полугода людей таскали на допросы. У нас есть фотографии, маршрутные квитанции преподавателей, заполненные от руки анкеты на 250 детей. А нам говорят: этого проекта не было. Деньги вернуть не требовали – пытались доказать, что мы занимались мошенничеством: будто я приехала, собрала деньги и положила их себе в карман. При этом первая смена началась, когда денег не было совсем. Я вложила около 700 тысяч рублей своих денег. Они должны были вернуться, но так и не вернулись.

Следователи пять-шесть раз приезжали к моей маме в Москву, перевернули все бумаги. И знаете что? Дело так и не смогли возбудить – не было состава преступления. Следователи говорили начальству, что оснований нет, а им отвечали: "Ищите лучше".

Летом 2019 года следователь приехал и ко мне домой. Вежливый, адекватный человек, ничего не выдумывал. Заходит во двор, а там соседские дети, преподаватели сидят на полу и смотрят мультфильм на проекторе. И он говорит:

"Вот так, значит, миллионеры живут". Людям сложно совместить образ человека, который живёт в Милане, с жизнью в ауле. А у меня во дворе даже плитки не было. Он всё это увидел и понял: искать здесь нечего. Он тоже не смог возбудить дело.

В итоге его не возбудили, но всех очень напугали. Люди начали меня сторониться.

— Летом 2019 года вы все равно собирались провести школу. Что делали власти?

— В 2019 году мы выиграли президентский грант на 500 тысяч рублей. Мы очень гордились тем, как растём. Когда открыли онлайн-запись, за три дня записалось около 300 детей – и это в ауле. Детей к нам привозили даже из Черкесска.

> **“ Как заниматься образованием, когда нельзя говорить детям про войну, когда чёрное называешь белым?**

Мы приходим с детьми в школу, а нам её не дают, хотя вроде бы со всеми договорились. Дети стоят под дождём, на нас кричат: "Если вы не уйдёте, я вызову полицию, это несанкционированный митинг".

Несколько дней мы проводили занятия на поляне перед моим домом. Я была в полном отчаянии: лежу на кровати и убеждаю себя, что ничего не получится. И тут в дверь стучат двое ребят из команды, одноклассники, им тогда было по 16 лет: "Бэлла, мы нашли в лесу палки, сделаем шатёр, лавки. Давай, начинай". В этом было столько запала! Несмотря ни на что, мы весело проводили время.

Потом ко мне пришли семь человек, часть в форме, часть в гражданском, – "осмотр территории". С ними были прокуроры и сотрудница местного министерства образования. Отец говорил: пусть смотрят. Но у меня дома жили люди из разных городов, и если бы нам что-то подкинули, мы бы не отвертелись. Я их не пустила.

Был август, жара, нормальных условий не было. И мы буквально за один день договорились со школой в небольшом селе в соседнем Ставропольском крае. Взяли команду и уехали туда. Своих аульских детей перевезти не смогли, занимались с местными. Условия были максимально полевые, но проект получился классный.

— В 2022 году открыли центр "Уя" в Икон-Халке. С какими трудностями вы столкнулись после начала полномасштабной войны против Украины?

— В 2020 году был ковид. В 2021-м мы сделали очень крутую школу в Растопуловке под Астраханью, там было около 100 детей. Часть местных "активистов" нас и в первый год особо не хотела, но мы через более тёплые контакты смогли всё

сделать. А в 2022 году они начали говорить: зачем вы пускаете Бэллу, она же против войны. К тому же там сменился директор школы.

Мы с самого начала понимали, что одних летних школ мало: это яркое событие, но работать нужно постоянно. Я планировала проект на 15 лет. И в 2022 году мы нашли подходящую площадку для постоянного центра.

Я прилетела на Кавказ его открывать 22 февраля 2022 года с маленькой дочкой, ей не было двух лет, и я была беременна вторым ребенком. Путин уже выступил. Я решила: если завтра война не начнётся, лечу. Война не началась, мы поехали открывать центр. А потом она началась. За всю беременность меня стошнило один раз – в день начала войны. И, кажется, дело было не в беременности.

Я была в полной прострации. Как заниматься образованием, когда нельзя говорить детям про войну, когда чёрное называешь белым? Мне помогли две книги: детская "Тотто-тян, маленькая девочка у окна" – про низовой образовательный проект в предвоенной Японии – и "Антихрупкость" Нассима Талеба. Я поняла, что такие проекты нужнее всего именно тогда, когда всё плохо, – и там, где все плохо.

И ещё я поняла, что, может, это правильно, что я не могу навязывать детям своё мнение о войне – и вообще по любому поводу. Моя задача – создать условия, в которых дети развивают критическое мышление и сами отличают хорошее от плохого. Одно дело сказать: это плохо, запомните. Другое – дать инструменты, чтобы человек сам понял, почему это недопустимо.

Центр был совсем пустой – три помещения, только свет и пол. Мы притащили старый ковер из моего дома, что-то нам подарили, что-то купили. Я знаю, кто подарил каждый гвоздик. Дети сами придумывали, какие будут зоны и игры, собирали мебель, красили лестницу. Мы вместе строили общее гнездо. Центр работал до 2025 года, сейчас он стоит закрытый.

— В июле 2024 года к вам пришли сотрудники ФСБ. Что именно произошло?

— Я купила небольшой участок в соседнем ауле и строила там дом. В Карачаево-Черкесии почти нет инфраструктуры – гостевых домов, общественных центров. Преподавателей, которые были готовы приехать, было негде селить. Идея была в том, что летом там живу я, а в остальное время – приезжие преподаватели. Чтобы мы ни от кого не зависели. Участок до сих пор в ипотеке, и это меня отдельно радует: забрать его никто не может, он в собственности банка.

Я переехала в этот маленький каркасный домик на 30 метров за две недели до обыска, с двумя маленькими детьми. Ждала монтажника кухни. В 8:30 утра стучат

> **Я ногайка, и ко мне ногайцев не присылают – это негласное правило. Приехали черкесы и русские**

в дверь, я в восторге открываю, а там: "Здравствуйте, мы к вам с обыском".

Я не стала качать права. Рядом были дети, и единственное, о чём я думала, – не напугать их. Силовики старались сделать всё по форме. Мне дали постановление на обыск, но не дали ни с кем связаться – это было нарушением моих прав, но тогда я об этом не думала.

В постановлении, как я запомнила, было написано про передачу информации неустановленному кругу лиц за рубежом. Получается, если я выложила свою фотографию в инстаграм, это тоже передача информации неустановленному кругу лиц. Ещё они зачитали: если у вас есть секретные материалы, выдайте их сразу.

Знаете, как в этнических регионах проходят такие проверки? Я ногайка, и ко мне ногайцев не присылают – это негласное правило. Приехали черкесы и русские. Играли в хорошего и плохого полицейского: черкес цеплялся к каждому моему слову, русский был как будто на моей стороне.

В доме они буквально копались в белье, хотя копаться было не в чем – мы ещё были на стадии ремонта. С большим удовольствием достали стопку паспортов: российские и итальянские (детей), мой российский паспорт и загранпаспорт. Шесть паспортов – выглядит эффектно, но это обычные документы обычной семьи.

Потом сказали: "Едете с нами". Спросили, есть ли с кем оставить детей. Не было. Я попросила поехать на своей машине, чтобы дети не пугались. Ко мне посадили их сотрудника. Мы заехали в супермаркет, я купила детям булочки – они ещё не завтракали. В отделе ФСБ в Адыге-Хабле местный сотрудник обрадовался: "Ой, у нас таких маленьких ещё не было" – и принёс детям сок и печенье. По-человечески это нормально, но в этом контексте отвратительно.

Был допрос. У меня забрали телефон и загранпаспорт. Выходим, я протягиваю руку: "А мой телефон?" Он смотрит на меня, как на идиотку: "В лучшем случае через две недели". А я ему: "Как через две недели? У меня сегодня шкаф придёт, как я его заберу без кода?" Он медленно так говорит: "Я вам оставил [банковскую] карточку и паспорт, а мог бы забрать". Он имел в виду внутренний паспорт – по нему я потом и улетела в Ереван. Эту сцену я помню в мельчайших подробностях.

Параллельно шёл обыск в центре. Оттуда забрали четыре старых ноутбука, которые нам подарили, – дети смотрели на них мультфильмы. Их так и не вернули, как и мой телефон. Они не просто ничего не сделали. Ещё и забрали то, что

сделали другие. Мне кажется, это картина нынешней России: растоптать, разломать чужой труд. За это я их отдельно ненавижу.

— Вы связываете обыск с давлением, которое началось ещё в 2019 году?

— Нет, я не связываю эти истории. В 2017 году я говорила своей команде: ребята, мы очень удобные, на нас [силовикам] легко сделать карьеру. В Карачаево-Черкесии ничего не происходит, а тут появляемся мы – непонятно где живём, без "крыши", не из влиятельных семей. На Кавказе это важный нюанс. Звездочку за наш счёт получить – раз-два. И мы продолжали быть удобными. Я не единственная, кто живет за границей, но у других, наверное, больше "крыши". А мы сами лезли в пасть к этому монстру. И времена изменились.

— Как вы уехали из России? Вы понимали, насколько рискуете, когда продолжали приезжать после начала большой войны?

— Наивной меня не назовёшь. Я понимала риски: два с половиной года работала в условиях войны, приезжала из "недружественной" страны. В марте 2022 года, находясь на Кавказе, я давала интервью итальянским телеканалам. Перед этим консультировалась с юристами и оставила мужу контакты на случай проблем. В Милане я состою в "Комитете свободных россиян".

С октября 2023 по июнь 2024 года я каждый месяц прилетала из Италии в Россию на семинары Школы профессиональной филантропии – хотела развивать проект. Младшей дочери тогда был год, я оставляла детей на неделю. Учёба закончилась в июне, я вернулась в Италию, забрала детей и снова поехала на Кавказ. Это были огромные усилия и расходы. Но я понимала, что этот проект нужно делать. Я не хотела оставлять этим оркам ещё одно поколение детей.

> **“ Парень, который родился в 2006 году в бедном регионе, – идеальная цель для этой войны**

После обыска ФСБ, к вечеру я кое-как восстановила связь – номер мужа помнила наизусть – и через знакомых вышла на подругу-юристку. Говорю: "Что делать?" Она: "Ты уезжаешь". Я: "Как? У меня ипотека, я дом строю, муж приезжает, у нас новоселье". Она: "Ты не поняла. Собираешь вещи и прямо сейчас уезжаешь". А я умных людей слушаю.

Мне нельзя было пользоваться своей машиной и самой покупать билеты. Подруга создала чат с правозащитниками. Они нашли деньги на эвакуацию и купили билеты. Ночью мы с детьми уехали на такси в другой город. Дети были в истерике: они хотели в центр, в свой домик, к нормальной жизни. Я попросила ещё одну

ночь, чтобы хоть как-то собраться. В тот день я успела оформить доверенность на брата – того, который потом погиб.

Мы вылетали 25 июля в семь утра из Минеральных Вод, со мной летел адвокат. Детям поставили штампы, а мне сказали: "У вас проверка".

Как я потом поняла, "маячок" на мне стоял минимум с июня: меня задерживали на погранконтроле в Калининградской области, в Москве, в Минводах. 40 минут мы сидели у двери сотрудников ФСБ. Потом нас отпустили, мы сели в самолет, и только я начала выдыхать, как в салон зашёл тот пограничник и пошёл в нашу сторону. Подошёл к моему адвокату, что-то посмотрел и вышел. Мы долетели до Еревана – туда можно лететь по внутреннему паспорту.

Думаю, нас спасло то, что я не подписывала подписку о невыезде, и то, что мы улетали в семь утра: нужных людей, видимо, просто не было на месте.

И ещё один важный момент. У меня всегда было два загранпаспорта, но несколько лет второго не было – всё откладывала. Весной 2024 года, когда приезжала на семинар, я буквально заставила себя по сугробам дойти до МФЦ и сделать второй загран. Он лежал в Милане, и перед отъездом я показала мужу, где он. Через три месяца он пригодился: первый загран забрали при обыске.

После этого я ни разу не была ни в России, ни в странах из опасного списка.

— Ваш двоюродный брат Батал рос у вас на глазах, в "Балапанлар" он прошёл путь от участника до вожатого. В 2026 году он подписал контракт с Минобороны и погиб на войне. Кем он был для вас? Когда вы узнали, что он ушёл на фронт?

— Сейчас в комментариях пишут: а что она сделала, чтобы остановить своего брата? Я сделала всё, что могла. Единственное – я не вытащила его оттуда. Но я много лет вкладывалась в то, чтобы этого не произошло. Если бы не это, он бы пошёл на эту войну гораздо раньше. Люди этого не понимают.

Я очень люблю своего брата и до сих пор продолжаю любить. Мне очень жалко, что из моего хорошего мальчика сделали убийцу. Он родился в 2006 году и всю жизнь прожил при этом режиме. Мой проект был в том числе попыткой вырвать его из лап этого режима. Не получилось, потому что я была одна. А люди тогда не понимали, зачем помогать кавказским детям.

А я знаю зачем. У кавказских мальчиков нет нормальных вариантов. У них три сценария: "СВО", вахта где-нибудь в Ульяновске или спортивная борьба. И мои

усилия работали, пока у меня был к нему доступ. После моего отъезда его не стало. А всё вокруг говорило о том, что гораздо проще пойти на войну и заработать.

И он долго держался. В 18 лет поехал на вахту – строил дороги. Знаете, как я была рада, что он там? За всё время он купил себе только айфон. Остальные деньги отправлял на содержание коня и на дом для мамы. Не пил, не курил, вкладывался в хорошие вещи. А потом на войну пошёл его старший брат. Он сам мне говорил, и люди, с которыми он был там, передавали: он пошёл за ним, чтобы его защитить. А в итоге оказался на передовой, а брат – в относительно спокойном месте.

В комментариях пытаются свалить всё на его кровожадность, на какие-то "кавказские черты". А мой брат девять лет учился в обычной московской школе и жил в католическом пансионе. К исламу и кавказской теме он пришел только после 15-16 лет. Там очень много оттенков, но люди не готовы их видеть. Им проще видеть кровожадного солдата, который пошел на "СВО".

Со старшим братом у меня другие отношения, а Батал вырос в моей семье. Мы всегда были очень близки, обсуждали самые сложные темы. Про войну мы говорили с первого дня. Четыре года я повторяла ему, что туда нельзя идти.

> **“ Можно купить билет и вернуться в Москву или в аул, но в ту жизнь не вернёшься**

14 февраля он написал мне, что уезжает с братом на вахту. Я очень обрадовалась: безопасно, далеко, работает, никакие дроны туда не долетают, никакой военкомат до него не дотянется. И не обратила внимания на то, что должна была заметить.

Когда он на работе, я его не дергаю: дорога, новое место, пусть втянется. Потом мы снова начинаем болтать, скидывать друг другу мемы. И тут он пропал. 8 марта мне пишет подруга из "Балапанлар", которая тоже с ним дружила: "Бэлла, а где Батал?" Он скрыл от меня сторис в инстаграме, но не от всех. У нас был прекрасный день в Милане: мы ходили на "Тайную вечерю" Леонардо, потом в Ла Скалу, гуляли по Брере. Я прихожу домой, и подруга присылает мне эту новость. Я просто умерла.

Пыталась до него дозвониться, но звонки были заблокированы, на сообщения он не отвечал. Три-четыре дня я каждую секунду думала: что я сделала не так? Мой брат пошел туда, куда не должен был идти ни в коем случае, – на войну, которую я совершенно не принимаю. Я не могу назвать себя пацифисткой, но я около того. И тогда я поняла: он сделал очень плохой выбор, но я хочу быть рядом с ним. Я не оправдываю его и не поддерживаю, но не могу вычеркнуть близкого человека из жизни. Иначе это было бы предательством всего, что было: пока ты хороший, я тебя люблю, а когда ты сделал плохое – я от тебя отрекаюсь.

Когда он наконец ответил, сказал, что не знал, как мне сообщить. Он довольно быстро понял, что всё плохо. Но когда ты подписываешь этот контракт, ты подписываешь договор с дьяволом. Выйти оттуда невозможно, система тебя затягивает и сжирает. Парень, который родился в 2006 году в бедном регионе, в семье со сложной историей, – идеальная цель для этой войны. Скорее удивительно, что он так долго продержался до того, как попал в эту мясорубку. Это не оправдание. Это был худший выбор, который можно было сделать.

Ошибок было много, в том числе и с моей стороны. Я считаю, что нужно говорить с человеком в том регистре, в котором он находится. А я человек, который уважает чужое мнение: если я что-то предложила, а он отказался, я должна принять его "нет". Это мой "европейский" подход. Я постоянно предлагала ему варианты: поступи в любой вуз, чтобы была отсрочка, – ты парень на Кавказе, у тебя нет "крыши", от армии ты не откосишь; давай попробуем альтернативную службу, я дам тебе юриста; приезжай ко мне, сделай визу – я год уговаривала его сделать загранпаспорт; в Турции есть стипендии, поезжай учиться. А он отвечал: "Бэлла, зачем? У меня конь, дом". Ему казалось неправильным оставить маму и уехать. И я не настаивала. А надо было настаивать. Надо было купить билет.

Четыре года я хотела, чтобы он не попал на войну. Когда он туда попал, я хотела только одного – чтобы он был живым. Я понимала, это огромный грех, но думала: ПТСР лечится, грехи можно искупить – построим что-нибудь, сделаем что-нибудь. В мае я думала: если ему оторвет руку или ногу, его же отпустят. Летом, когда он выходил на связь, мы с ним болтали и смеялись. И я думала: что угодно – плен, тюрьма, пусть его даже пытают. Я, человек, который ездил с "Комитетом против пыток" в Чечню, говорю: пусть пытают, только бы он дышал. А потом мой любимый человек полтора месяца лежал в поле, и его не могли забрать.

Я знаю, что он сделал плохое. Но он не один такой. Люди не понимают, что мы все в этом запачкались по самые уши. Ни Афганистан, ни Чечня не были такими массовыми. Я тоже хотела бы остаться антивоенной либералкой в Милане, белой и пушистой, у которой всё прекрасно. Меня не спрашивали. А мне пишут: зачем ты делала свой проект, если он не сработал? Если бы я его не делала, я была бы человеком, которому на всё наплевать. А мне ни одной секунды не наплевать.

— Что стало с проектом после вашего отъезда? Вы планируете продолжать образовательную и общественную деятельность?

— После моего отъезда проект работал ещё почти год: до 2025-го мы проводили мероприятия, но никак их не афишировали. Для меня безопасность команды на первом месте. Ни ради каких амбиций я не готова подвергать опасности людей.

Я планировала работать 15 лет. Чтобы в центр приходили дети четырёх-пяти лет – в 10 уже поздно. Чтобы мы показывали им интересных людей, помогали их семьям, помогали поступить на учебу или открыть своё дело. Я хотела вырастить одно поколение людей, которые были бы счастливыми, успешными и в ладу с собой. Моя мечта была в том, чтобы какой-нибудь маленький ребенок пришёл к нам, вырос и сказал: "Бэлла, ты всё делаешь не так, я открою свой центр и покажу, как надо". Мне не нужно было становиться медийной личностью или слышать спасибо. Я хотела, чтобы таких инициатив стало больше – как в Армении, где очень глубокие и качественные образовательные проекты.

Я очень хочу верить, что что-то изменится и можно будет снова делать проекты. Война закончится, обязательно закончится. Но мы не вернёмся. Можно купить билет и вернуться в Москву или в аул, но в ту жизнь не вернёшься. Реальности, которую я любила и на которую злилась, больше нет.

Сейчас у меня другой подход. Мне очень жаль, что мой проект смогли затоптать, потому что у него не было ресурсов и устойчивости. Считаю, нужно становиться сильными, влиятельными и очень богатыми. Чтобы не уговаривать кого-то дать грант, не вытанцовывать перед богатыми фондами. Хорошему НКО нужен эндаумент. Сейчас я сосредоточена на том, чтобы стать таким человеком и потом поддерживать подобные проекты или делать их самой. Это требует времени, но я готова. И мне важно продвигать не чёрно-белый взгляд, а оттенки.

У ногайцев есть пожелание – "пусть твоё горе обернётся добром". Я никогда его не понимала, а сейчас начала понимать. У меня погиб брат, и я понимаю, как ценю свою жизнь и все моменты, которые мы с ним провели. Мне жаль, что он там остался. И я рада, что у меня хватило ума не оставаться. Когда началась война, многим казалось, что нельзя радоваться. Но мы радуемся не тому, что вокруг ужас, а тому, что мы выжили, что мы здоровы, что у нас есть крыша над головой. Этому надо радоваться. Но всегда помнить о том, что происходит снаружи.

- 2 ноября 1943 года началась депортация карачаевского народа, который советские власти бездоказательно обвинили в пособничестве германским войскам. По оценкам историка Павла Поляна, в Центральную Азию выслали почти 70 тысяч человек, более 43 тысяч из них погибли. Вернуться домой репрессированные смогли только в 1957 году. Как карачаевцы относятся к трагедии сейчас и какие истории они вспоминают в своих семьях в годовщину депортации – в материале Кавказ.Реалий.

- Власти России продолжают милитаризацию школьного образования. С 1 сентября для учащихся в обязательном порядке запланирован показ серии из 83 "патриотических" минифильмов, часть из которых посвящена участникам

войны против Украины. Их демонстрируют на занятиях "Разговоры о важном" и в рамках курса "Духовно-нравственная культура России".

Кавказ.Реалии в Instagram

Кавказ.Реалии в YouTube

Кавказ.Реалии в Telegram